

А лист кричит: «Еще живу!»,
 Не понимая, что погибнет,
 Сгорит – и разбежится в ночь.
 Горит костер – сухие хрипы.
 И не могу ему помочь [7, с. 11].

Да, эти стихотворения – «беззащитный сад объятых ужасом предчувствия растений» [7, с. 74]. Но в них есть катарсис – спутник подлинной трагедии; трагическое же – эстетическая категория, без которой нет подлинного искусства.

Библиографические ссылки

1. Абрамович С. Д. Культурологія : навч. посіб. / С. Д. Абрамович, М. С. Тілло, М. Ю. Чікарькова. – К. : Кондор, 2003. – 320 с.
2. Михайлова М. Дальше – ... не тишина / Мария Михайлова // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К. : Видавничий дім Д. Бураго, 2007. – С. 44–46.
3. Михед П. «Печальна музыка судьбы» / Павло Михед // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К. : Видавничий дім Д. Бураго, 2007. – С. 46–47.
4. Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – Випуск 1. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2007. – 80 с.
5. Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – Випуск 4. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – 54 с.
6. Пахарева Т. Небесный топос в поэзии М. Тилло / Татьяна Пахарева // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – Вып. 2. – К.: Видавничий дім С. Бураго, 2007. – С. 32–35.
7. Тилло М. Лирика / Мария Тилло. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2006. – 202 с.
8. Ткачук М. Екзистенційне осмислення буття людини в ліриці Марії Тілло / Микола Ткачук // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – Випуск 3. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – с. 84–88.
9. Чікарькова М. – Поэзия Марии Тилло / Мария Чікарькова // М. Тилло. Лирика. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго 2006. – С. 2–13.
10. Якушева Г. «Слишком много счастья – это скучно. Слишком много счастья – это страшно...» (о стихах Марии Тилло) / Галина Якушева // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – Вып. 2. – К.: Видавничий дім С. Бураго, 2007. – С. 29–32.

Надійшла до редколегії 15.05.11

УДК 821.161.1 – Зайцев

Э. К. Аметова

г. Ялта

УСАДЕБНЫЙ БЫТ В «ПУТЕШЕСТВИИ ГЛЕБА» Б. ЗАЙЦЕВА КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Розглядаються особливості зображення сім'ї, садиби, побутового укладу в тетралогії Б. Зайцева «Подорож Гліба».

Ключові слова: садиба, сім'я, побут, традиція.

Рассматриваются особенности изображения семьи, усадьбы, бытового уклада в тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба».

Ключевые слова: усадьба, семья, быт, традиция.

The article deals with the peculiarities of family, manor and common life representation in B. Zajtsev's tetralogy «The Travel of Gleb».

Key words: manor, family, way of life, tradition.

Цикл Б. Зайцева «Путешествие Глеба» тесно связан с предшествующей ему традицией изображения семьи, рода, усадьбы, бытового уклада. В русской прозе XIX в. описания усадебного быта, противопоставление провинциальной усадьбы и города в целом были характерны. В отличие от усадьбы город в русском общественном сознании предстаёт как бы в двух ипостасях: как олицетворение государственности, точнее даже государственной бюрократической машины, и как воплощение буржуазных отношений, власти денег, бесовской суеты, губящих человеческую душу. И то и другое не совпадает с традиционным пониманием власти и закона и представлениями об истинном предназначении человеческой личности; иное дело – гармония усадебного быта. В этом смысле Б. Зайцев, конечно, наследник подобного отношения к семейной усадьбе, к тому месту, где живет его семья. Как справедливо отмечает О. Попова, в конце XIX – начале XX вв. образ усадьбы «сопровождается переосмыслением писателями многих вопросов, поставленных русской литературой и культурой XVIII – XIX веков, а также постановкой новых проблем, связанных с дальнейшими путями развития России» [7, с. 1]. Именно в этом смысле мы говорим и о наследовании определённой традиции, и о новых чертах, которые отразились в тетралогии Б. Зайцева. Впрочем, попытки показать специфику образа семейной усадьбы в ней уже предпринимались [см., напр.: 1; 2; 4; 6]. Но Б. Зайцев расходится с традиционным для русской литературы рубежа XIX–XX вв. противопоставлением дворянской усадьбы окружающему её миру, серым крестьянским сёлам с их нищетой – огромным диким пространством, которые грозят разрушить и поглотить старинные дворянские гнёзда. У писателя нет этого напряженного противоречия, но очевидно, что и у него усадебный быт – часть уходящего жизненного уклада и исчезающего пейзажа. Отец Глеба – крупный инженер, для которого усадьба – лишь место жительства. Она не связана с традициями рода, который корнями уходит в эту землю. У героев Б. Зайцева чеховский комплекс «вишнёвого сада» не возникает, хотя быт своей семьи Глеб связывает именно с усадьбой, страдает от продажи одной и радуется покупке новой. Но семья героя, дворянская по своему происхождению, всё же приняла иной, капиталистический по своей сути, уклад жизни, и обретает место жительства не на родовой земле, где похоронены предки, а рядом с местом службы, позднее – поближе к детям, в городе. Именно в этом нам видится существенная разница в отношении к усадьбе не только между героями Зайцева и Чехова, но и Зайцева и Бунина, с «Жизнью Арсеньева» которого принято сопоставлять анализируемую тетралогия. Во всех автобиографических произведениях конца XIX – начала XX вв. первые детские впечатления героев естественно связаны с семьёй. Так, Алексей Арсеньев помнит детство отрывками, фрагментами, мгновениями, между которыми ему трудно установить связь. Он вспоминает только «минуты полного одиночества» и задаётся вопросом: «Где были люди в это время» [3, с. 51]. Главное чувство, которое охватывает героя при рассказе о раннем детстве, это печаль, в отличие от той концепции изображения дворянской усадьбы, в которой детство исполнено радостью и гармонией.

В цикле Б. Зайцева, напротив, описываются крепкие и обжитые усадьбы, плодородные сады, русская жизнь полнокровная и плодородная, вызывающая восхищение и радость. Так, роман «Заря» начинается с описания того мира, где

стоит «двухэтажный барский дом, каменный, с деревянной пристройкой. <...> Внизу со стороны двор. Конюшня, каретный, людская изба его образуют. И на дворе Петька запрягает лошадь – каждое утро отец ездит за пять верст на Шахту. За крышами построек видны огороды, пологим скатом сходящие к Жиздре в лугах, и направо сонник, а над лугами опять ровное взгорье к горизонту, у самой черты его мягко-зубчатый лет: Высоцкий заказ» [5, с. 27]. Ср. в «Жизни Арсеньева»: «Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг пустынного двора, – всё было огромно, серо, всё разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, протиравшиеся за ними и сливавшие с полем» [3, с. 125]. То, что у Б. Зайцева является символом крепости русского быта, в «Жизни Арсеньева» И. Бунина показано разорённым и запущенным.

Повествователь в тетралогии Б. Зайцева неторопливо описывает жизненный уклад, детали быта, интерьер, запахи. Как отмечает О. Попова, традиционно «в образе дворянского мальчика заостряется писателями его рефлексивность, открытость миру, потребность познания его. <...> Посредством обоняния в герое закладывается противопоставление двух пространств, двух жизненных укладов: своего, усадебного, родового и чужого, неизвестного, далекого, как правило – городского, столичного» [7, с. 6]. Действительно, в мастерской отца Глеб отмечает запах табака, клея и стружки, описывает отцовские инструменты. Знакомство с бабушкой начинается с предметов, которыми она себя окружала, в церкви Глеб обращает внимание не на иконы, а на «огромные поповские сапоги». Приметами настоящей радости для маленького героя являются предметы, характерные для охоты. Внимание к предметному миру сближает тетралогия Б. Зайцева с трилогией Л. Толстого, в которой детали быта и интерьера существенно преобладают над изображением мира природы. В романах «Юность» и «Древо жизни» отмечаем множественность точек зрения, однако и здесь сохраняется предельное внимание к деталям быта и интерьера. Несмотря на то, что повествователь описывает совершенно конкретные усадьбы, даёт географические названия, определяет место их расположения относительно Оки (например, «на границе Калужской и Орловской губерний» [5, с. 84]), всё же эти описания для русской литературы довольно типичны. Дворянские усадьбы, с их раз навсегда заведённым укладом, предметы быта, как уже говорилось, традиционно становились предметом изображения. В произведениях русской классики, романах И. Тургенева, И. Гончарова, Л. Толстого пространственно-временные координаты изображаемого зачастую были связаны именно с дворянскими усадьбами. Они в известной мере противопоставлены городской цивилизации, что особенно ощущается в романах Ф. Достоевского. Как отмечали современники, Б. Зайцев был едва ли не единственным из молодого поколения писателей начала XX в., кто не подпал под его влияние. Описание городской цивилизации в его тетралогии соответствует толстовской традиции. Примечательно, что в оппозиции к усадьбе в тетралогии «Путешествие Глеба» находится Москва, как у Л. Толстого, а не Петербург, как у И. Бунина.

Отличительной чертой тетралогии Б. Зайцева является тесная связь между бытовым, описанным с предельной тщательностью и любовью, и бытийным,

создающим особый масштаб повествованию. Если в первых трёх романах цикла описание усадеб, предметов быта, домашнего уклада давало возможность подчеркнуть незыблемость основ русской жизни, то в романе «Древо жизни» оно выполняет другую функцию, показывает, что традиционный уклад разрушается и нормальная человеческая жизнь становится хрупкой и уязвимой. Скажем, в начале романа описывается традиционное для семьи Глеба чаепитие с определённым ритуалом. Несмотря на все трагические события, которые пришлось пережить матери Глеба и её семье, она неизменно выполняет все необходимые действия так, как будто именно они способны остановить всеобщее разрушение. Жизнь в Германии также изображается через предметы быта, но быта чужого и чуждого, описанного, однако, с той же тщательностью. «... И всё вообще здесь удобно и прочно, основательно: живут – знают зачем. <...> Во дворе сорочки, кофточки, белые длинные <...> панталоны...» [5, с. 477]. С этим заграничным бытом, в котором героям, в общем-то, живётся комфортно, сопоставлено «вечное» – горсть родной земли и земли итальянской, которые Элли повсюду возит с собой. В наиболее драматический момент романа «Древо жизни», когда мать осознаёт, что сын с семьёй уехал за границу навсегда, решает ехать к нему и умирает, повествователь вновь и вновь говорит о быте семьи, окончательно разрушенном. «...За четверть века так выросла в дом этот, во весь склад жизни... Ведь не вечно же так будет. Надо сберечь, передать “сыночке” – во всяком случае, стараться, даже во враждебном стане, когда чуть не каждый месяц отнимают то одно, то другое, и она медленно отступает, защищая каждую яблоню, каждого телёнка, поросенка» [5, с. 517]. Осмысливая борьбу с новой властью как войну, повествователь называет решение матери Глеба уехать из родового имения «отступлением».

Рассматривая описание родовых имений в тетралогии Б. Зайцева, мы, вслед за О. Поповой, относим их к идеализирующей концепции. Однако некоторые черты произведения всё же не целиком отвечают предложенной ею классификации, и это понятно: исследовательница говорила лишь о преобладании в том или ином автобиографическом повествовании одной из трёх концепций изображения усадьбы. Однако нам трудно согласиться с её утверждением, что «именно усадьба мыслится как пространство любви, в то время как в городе (Петербурге, Павловске, Париже и т. д.) истинная любовь оказывается невозможной» [7, с. 11]. Это нехарактерно для «Путешествия Глеба»: герой обретает любовь именно в большом городе, она неразрывно связана у него с литературными занятиями, миром искусства. Здесь, видимо, сказывается та особенность отношения к усадьбе и городу, которая в целом характерна для произведений русских модернистов. Б. Зайцев расходится с традиционным для русской литературы рубежа XIX – XX вв. противопоставлением усадьбы окружающему её миру, который способен поглотить старинные дворянские гнезда. Для героев писателя усадьба – лишь место жительства, она не связана с традициями рода. Тетралогия Б. Зайцева свободна и от влияния Ф. Достоевского: описание городской цивилизации, предложенное Б. Зайцевым, соответствует толстовской традиции, в которой усадьбе противопоставлена Москва, а не Петербург, да и в целом противопоставление городской и деревенской жизни у Зайцева выражено не так отчетливо, как у его великих предшественников. Отличительной чертой тетралогии Б. Зайцева является тесная связь между бытовым,

описанным с предельной тщательностью и любовью, и бытийным, придающим особый масштаб повествованию. Внимание к деталям сближает «Путешествие Глеба» с трилогией Л. Толстого, осмысление важности бытового уклада и его поэтизация делает её близкой «Жизни Арсеньева» И. Бунина.

Библиографические ссылки

1. Альгазо Х. Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Х. Альгазо. – М., 2006. – 16 с.
2. Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья (первая половина XX века): И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин: автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Л. И. Бронская. – Ставрополь, 2001. – 20 [1] с.
3. Бунин И. Жизнь Арсеньева. Повести и рассказы / И. Бунин [Сост. и вступ. ст. А. А. Саакянц]. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
4. Гусев В. А. Город в русской литературе второй половины XIX века / В. А. Гусев // *Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące*. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1995. – С. 182–189.
5. Зайцев Б. К. Собрание соч.: В 5 т. / Б. К. Зайцев [Сост. и авт. прим. Т. Ф. Прокопов]. Т. 4. – М.: Русская книга, 1999. – 624 с.
6. Захарова В. Т. Автобиографическая тетралогия Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба»: к вопросу о жанровом своеобразии / В. Т. Захарова // *Очерки литературы русского зарубежья: межвуз. сборник научн. трудов. Вып. I*. – М.: МГУ, 1997. – С. 17–29.
7. Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. фил. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / О. А. Попова. – Пермь, 2007. – 16 с.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821.112.2.0931+929

В. М. Андрієвська

м. Київ

ТОПОС МІСТА В РОМАНІ АЛЬФРЕДА ДЕБЛІНА «БЕРЛІН. АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ»

Досліджено топос міста як тематичний рівень роману Альфреда Дебліна «Берлін. Александерплац».

Ключові слова: топос міста, урбаністична топіка, символ міста, Альфред Деблін, німецький роман.

Исследован топос города как тематический уровень романа Альфреда Дёблина «Берлин. Александерплац».

Ключевые слова: топос города, урбанистическая топка, символ города, Альфред Деблин, немецкий роман.

In the article the city topos was researched as a thematic field in the Alfred Döblin's novel «Berlin. Alexanderplatz».

Key words: city topos, urban topic, city symbol, Alfred Döblin, German novel.